

Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2000. – № 471. – С. 77-82. Дмитренко В. А. Деякі типологічні риси текстів малих форм фольклору з комічними елементами / В. А. Дмитренко, Л. М. Григор'єва // Проблеми семантики слова, речення та тексту : Зб. наук. ст. – К. : Вид. центр КДЛУ, 2000. – Вип. 4. – С. 83-90. Кобякова І. К. Особливості реалізації мовотворчої функції в англійських текстах малого жанру: Автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / І. К. Кобякова / Київськ. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 1996. – 25 с. Москальская О. И. Композиционная структура микротекста / О. И. Москальская // Вопросы романо-германской филологии : сб. науч. тр. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1978. – Вип. 125. – С. 46-50. Панченко О. І. Лінгвістика стислого тексту (на матеріалі сучасної російської мови): Автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.02 / О. І. Панченко / Дніпропетровський держ. ун-т. – Дніпропетровськ, 1998. – 34 с. Скробот А. И. Просодическая актуализация смысловой динамики краткого газетного сообщения / А. И. Скробот // Изучение динамического аспекта сегментных и супraseгментных единиц звучащего текста : Сб. науч. тр. – К. : КПИИЯ, 1988. – С. 82-88. Сорокин Ю. А. Психолінгвістическіе аспекти изучения текста / Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1985. – 167 с. Шевченко Т. И. Интонационное единство юмористического рассказа / Т. И. Шевченко // Смежные проблемы филологии, психолінгвістики и методики преподавания иностранных языков. – Иваново : ИГУ, 1978. – С. 132-139.

УДК 811. 112.2 ' 42

КОРИНЬ С.Н.

(Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАМЕТАФОРА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье исследуются концептуальные метаметафоры в немецкоязычном художественном дискурсе. Изучается их роль в формировании текстовых концептов, в увеличении семантического объема атрибутов концепта. Метаметафора трактуется как текстовое образование, которое создается автором в рамках определенного художественного произведения.

Ключевые слова: концептуальная метаметафора, дискурс, семантический объем, текстовый концепт.

Коринь С. М. Концептуальна метаметафора у німецькомовному художньому дискурсі. У статті вивчаються концептуальні метаметафори у німецькомовному художньому дискурсі. Досліджується їх роль у формуванні текстових концептів, у збагаченні семантичної ємності атрибутів. Метаметафора є текстовим утворенням, яке структурується автором в межах певного художнього твору.

Ключові слова: концептуальна метаметафора, дискурс, семантична ємність, текстовий концепт.

Korin S. N. Conceptual metametaphor in German discourse. The article describes conceptual metametaphors in German discourse. The article deals with the role of conceptual metametaphors in the forming of text concepts, in the increasing of their semantic volume. Metametaphor is a text formation that the author creates within a specific piece of art.

Key words: conceptual metametaphor, discourse, semantic volume, text concept.

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения комплексных образных средств в художественном тексте и дискурсе, в том числе с точки зрения создания ими знаний о мире и их отображения в когнитивных операциях и схемах. Насущной является разработка общего подхода к исследованию системообразующей роли метаметафоры в художественном дискурсе через ее проявление в концептах. **Цель** исследования – определение роли концептуальных метаметафор в насыщении информацией концептов художественного дискурса. **Объектом** данной работы являются концептуальные метаметафоры в немецкоязычном художественном дискурсе.

Метаметафора представляет собой иерархическую структуру самостоятельных метафор, объединенных единой семантикой и целью. Метаметафора обеспечивает смысловую связность художественного дискурса, т. е. активно участвует в формировании основных художественных образов, концептов и обеспечивает связь между пространственно-временными структурами дискурса. Функция метаметафоры заключается в иносказательном представлении различных сторон объекта описания в художественном дискурсе. Отдельные самостоятельные метафоры в составе метаметафоры создают иерархический код, позволяющий адресату воспринимать объект описания как цельную систему [Коринь 2013, с. 127; Піхтовнікова 2012, с. 16]. Наш подход к изучению метаметафоры в аспекте классификации опирается на концепцию Н.А. Фатеевой, но не связывает метаметафору с явлением интертекстуальности [Фатеева 2000, с. 78]. Это позволяет обнаружить ее роль в оригинальных художественных произведениях, не имеющих

прототипов.

Метаметафора как целый комплекс метафор, распределенных по художественному тексту, но объединенных одной целью, имеет безграничные возможности для введения в художественный дискурс концептов и образов с глубокой имплицитной семантикой. Организация знаний о концептах и художественных образах может быть показана во фреймовых схемах, существенной частью которых является фрейм метаметафоры.

В семантическом аспекте метафора, как составная часть метаметафоры, рассматривается как явление, вызванное наложением на прямое значение слова добавочного смысла, который у этого слова становится главным в контексте художественного произведения. При этом прямое значение слова служит только основой для ассоциаций автора.

Метафора – это базис для совмещения ментальных пространств говорящих; сложная когнитивная структура, представляющая собой не только стилистический элемент языка, но и универсальный познавательный механизм, способ познания мира с помощью познанного ранее [Моисеева 2009, с. 13]. Согласно М. Тернеру и Ж. Фоконье, метафоризация является сложным интеграционным процессом, в результате которого создаются новые смешанные ментальные пространства, которые могут выстраивать структуру значения в процессе концептуальной интеграции [Turner, Fauconnier 2000, с. 138]. Метафора, в том числе и метаметафора увеличивают семантический объем объекта.

Понятия «объем» и «вес» изображаемого объекта метафоричны, однако имеют рациональный эквивалент. «Объем», или семантический объем объекта, есть множество приложений данного объекта в языковой картине мира. «Вес» объекта – это степень его актуальности, значимости для контекста, его роль в интенциях автора художественного текста.

Согласно Н.А. Фатеевой, концептуальные метаметафоры создают из отдельных референциально-мыслительных комплексов целостную картину мира, которую описывает художественный текст [Фатеева 2000, с. 73]. Средствами метатропов создается концепт в том смысле, в каком его понимают в когнитивной лингвистике, что показано в следующем примере:

Dann sah ich dies: oder, vielmehr, ich sah es nicht so sehr als: ich war mittendrin; mitten unter einer Schar in rasender Eile galoppierender fahler Pferde, die über einen grünschwartz wogenden Grund einherbrausten. Zuerst dachte ich – übrigens vollkommen geordnet und mit klarem Urteil: aha, das grüne Meer meiner Johanna! –, aber nach kurzer Zeit nahm ich deutlicher die Einzelheiten wahr und bemerkte, daß die ledige Roßherde über Wälder und wechselnde nächtliche Ackerbreiten hinwegfegte wie das wilde Heer Wotans. Und zugleich begriff ich: es sind die Seelen der Abermilliarden von Menschen, die auf ihren Lagerstätten schlafen, derweilen ihre Seelen herren- und reiterlos, von dunklen Instinkten getrieben, eine ferne unbekannte Heimat suchen, von der sie nicht wissen, wo sie liegt – von der sie nur ahnen, daß sie sie verloren haben und nicht mehr finden können [Meyrink G., S. 98].

Данная метаметафора содержит ключевую для романа семантику, выражающую поиски главным персонажем своей неведомой мистической родины. Текстовый концепт, формирующийся при участии метаметафоры, СКАКУН = ДУША ЧЕЛОВЕКА / PFERD = SEELE; ТАБУН ДИКИХ ЛОШАДЕЙ = освободившиеся души людей, ищущие неведомую родину) создан как двойная экспозиция с возрастающим масштабом. Во-первых, наглядно, что количество лошадей в табуне – конечно, но далее речь идет о миллиардах людей, души которых символизируют эти кони. Во-вторых, метаметафорой этот отрезок текста становится потому, что лейтмотив всего текста романа – поиск забытой прародины главным персонажем. И, таким образом, «семантика табуна» в том, что главный персонаж незримо принадлежит целому множеству подобных людей, и его душа, возможно, также «повинуется темному сиротскому инстинкту».

Еще один пример концептуальной метаметафоры:

Stammbaum – so wuchert das heraldische Wortbild weiter in meiner grübelnden Phantasie –

hat seltsam verknorrte Äste über ferne Länder gestreckt. In Schottland hat er gewurzelt und überall in England geblüht; mit einem der ältesten Geschlechter in Wales soll er blutsverwandt gewesen sein. Kräftige Schossen faßten Boden in Schweden, in Amerika, zuletzt in Steiermark und in Deutschland. Überall sind die Zweige abgestorben; in Großbritannien verdorrte der Stamm. Einzig bei uns hier im südlichen Österreich schoß ein letzter Ast in Saft: mein Vetter John Roger. Und diesen letzten Ast hat – England erwürgt! [Meyrink G., S. 75].

Главный персонаж задумывается о своих предках, размышляет о своем генеалогическом древе, его род предстает как настоящее дерево с корнями, ветвями, способное цвести или погибнуть. В данной метаметафоре наблюдаются признаки концептуальной метафоры. В ней о геральдическом символе рода (генеалогическом дереве) говорится так, как будто это живое растение: его род – дерево с корнем, ветками и ростками / *gewurzelt, Äste, Schosse*, которое может расти или погибнуть; сильные ростки укоренились / *kräftige Schossen faßten Boden*; ветки погибли / *die Zweige sind abgestorben*; ствол засох / *der Stamm verdorrte*; последняя ветка с налитыми плодами / *ein letzter Ast in Saft*. Концептуальные отождествления – кузен = последний росток; генеалогическое дерево = живое растение – даны эксплицитно.

В следующей концептуальной метаметафоре существенная для всего текста романа семантика относится к характеру творчества Верди с глубокими народными корнями и к его заочному соперничеству с Вагнером на протяжении всей жизни:

Mochte er sich zuerst in den begeisterten Revolutionsaufruf des jungen Italiens retten. Bald war auch dies vorbei und er stand allein. Aber ungebrochen und immer noch sprach Volk aus ihm, von allen Menschen seiner Zeit aus ihm am stärksten. Und er ging an seine Tat. Ohne das Alte, Heiliggebundene umzuwerfen, ohne dem Gewohnheits- oder Fortschritts-Pöbel Zugeständnisse zu machen, schuf er in den enthusiastischen Formen, die verspottet wurden, eine Menschenwelt. Wagner, ohne Wurzel war frei zum Flug. Verdi, ein Gefangener, Kette und Kugel am Fuß, mit einer kleinen Eisenfeile in der Hand, durchbrach seinen Kerker [Werfel F., S. 97].

В этом примере предшествующий текст метаметафоры отчасти дан эксплицитно в предыдущих фразах, отчасти – имплицитно (о противостоянии Вагнеру), поскольку в тексте ранее об этом говорилось. Характерной особенностью метаметафоры является то, что она выступает образным резюме предыдущего, вполне реалистического текста.

В романе Г. Майринка концептуальной метаметафорой является также «запах пантеры» / *es roch nach Panther*, обозначающая опасное присутствие вблизи персонажа того или иного воплощения злой богини Айрис Черной (по тексту все слуги и воплощения богини имеют признаки кошачьих хищников).

Hierher gehört vor allem: Es roch auch in meinem Zimmer auf einmal intensiv nach „Panther“; richtiger: ich hatte die unbestimmte Geruchssensation von Raubtieren, – erlebte in mir das Bild von den Käfigen in einer Zirkustierschau, wo hinter endlos gereihten Gitterstäben die großen Katzen ruhelos auf und nieder schreiten...

...Sie saß weit vorgebeugt, wie zum Sprung bereit, mußte ich denken; und ich wunderte und lächelte innerlich einen Augenblick lang über die befremdende Gier der Sammler, die sich auf die Lauer legen und zum Sprung niederducken können, wo sie ein begehrtes Objekt sehen, oder auch nur zu wittern meinen, wie beuteschlagende Panther...

Panther!! Wieder durchzuckt mich das Wort Panther! [Meyrink G., S. 88].

По поводу таких метаметафор Н.А. Фатеева справедливо утверждает, что здесь «возникает новый принцип отражения, создающийся на пересечении метафорических (подобие отражаемого и отраженного) и метонимических трансформаций (отражение как часть или замена целого)» [Фатеева 2000, с. 65]. Понятие концептуальной метаметафоры согласуется с традиционным понятием концептуальной метафоры в научных, художественных и других типах текстов [Гусев 1988, с. 123; Телия 1988, с. 29].

Следующий пример концептуальной метаметафоры:

Wagner – dies sein Geheimnis – wirkte nicht nur als der große Mensch, der er war, als der immer überraschend zupackende Geist, als der in jeder Sekunde gesteigerte und durchtönte

Künstler, über diese Gaben hinaus wirkte er, man kann es nicht anders nennen, als Weib! Wie von einem Weib höchster Art, das trotz leidvollsten Erlebnissen doch niemals eine Niederlage, einen Mißerfolg, eine Einbuße erlebt hatte, ging von ihm ungebrochen erotische Strahlung aus, jener hochgespannte Strom der Anziehung und Abstoßung, der alle Formen von unglücklicher Liebe erzeugt. Je älter er wurde, je mehr seiner sicher, je mehr die unerträgliche Notwendigkeit von ihm abfiel, sein Auge auf andere richten zu müssen, die mächtiger, gleichgültiger waren als er, und die er noch nicht unterworfen hatte – um so reiner strömte aus ihm die bezaubernde Kraft. In dieser gar schien es, daß das herrliche Weib seines Wesens am sichersten regierte, und es ist mehr als ein Zufall, daß er zur Zeit an einer Schrift arbeitete, die den Titel trug: “Über das Weibliche in Menschen“ [Werfel F., S. 87].

В приведенном примере авторская концепция (Вагнер = женщина) вводится в два приема. Сначала как простое сравнение: «обольщал точно женщина». Затем, используя это сравнение как факт, сообщается, что же делает эта «живущая в Вагнере замечательная женщина» / *das herrliche Weib seines Wesens*. Здесь неизбежно метафорическое восприятие: сравнение переходит в метафору, которая, как выясняется из текста романа, служит кодом иносказания многих ключевых событий, т. е. является метаметафорой.

Приведем пример концептуальной метаметафоры из романа П. Зюскинда “Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders“. В романе формируется концепт ЧЕЛОВЕК, ЧУЖДЫЙ ОБЩЕСТВУ. Главный персонаж – маленький одинокий клещ (*der kleine häßliche Zeck*), который не хочет умирать, поэтому проявляет упорство и упрямство, ожидая свою жертву. Метаметафора дает возможность читателю понять сущность героя, проследить этапы его эволюции от «нечеловека» / *Unmensch* до «человека-ангела» / *Engelmensch*.

Der kleine Mann in seinem blauen Rock aber sei plötzlich einfach dagewesen, wie aus dem Boden herangewachsen, mit einem kleinen Fläschchen in der Hand, das er entstöpsele. Dies war das erste, woran sich alle erinnern konnten; dass da einer stand und ein Fläschchen entstöpsele.

Und dann habe er sich mit dem Inhalt dieses Fläschchens über und über besprenkelt und sei mit einem Mal von Schönheit übergossen gewesen wie von strahlendem Feuer.

Für einen Moment wichen sie zurück aus Eifersucht und bassem Erstaunen. Aber im selben Moment spürten sie schon, dass das Zurückweichen mehr wie ein Anlaufnehmen war, dass ihre Eifersucht in Begehren umschlug, ihr Erstaunen in Begeisterung. Sie fühlten sich zu diesem Engelmenschen hingezogen [Süsskind P., S. 165].

Oder wie jener Zeck auf dem Baum, dem doch das Leben nichts anderes zu bieten hat als ein immerwährendes Überwintern. Der kleine häßliche Zeck, der seinen bleigrauen Körper zur Kugel formt, um der Außenwelt die geringstmögliche Fläche zu bieten; der seine Haut glatt und derb macht, um nichts zu verströmen, kein bisschen von sich hinauszutranspirieren. Der Zeck, der sich extra klein und unansehnlich macht, damit niemand ihn sehe und zertrete. Der einsame Zeck, der in sich versammelt auf seinem Baume hockt, blind, taub und stumm, und nur wittert, jahrelang wittert, meilenweit, das Blut vorüberwandernder Tiere, die er aus eigener Kraft niemals erreichen wird. Der Zeck könnte sich fallen lassen. Er könnte sich auf den Boden des Waldes fallen lassen, mit seinen sechs winzigen Beinchen ein paar Millimeter dahin und dorthin kriechen und sich unters Laub zum Sterben legen, es wäre nicht schade um ihn, weiß Gott nicht. Aber der Zeck, bockig, stur und eklig, bleibt hocken und lebt und wartet. Wartet, bis ihm der höchst unwahrscheinliche Zufall das Blut in Gestalt eines Tieres direkt unter den Baum treibt. Und dann erst gibt er seine Zurückhaltung auf, lässt sich fallen und krallt und bohrt und beisst sich in das fremde Fleisch...

So ein Zeck war das Kind Grenouille. Es lebte in sich selbst verkapselt und wartete auf bessere Zeiten. An die Welt gab es nichts ab als seinen Kot; kein Lächeln, keinen Schrei, keinen Glanz des Auges, nicht einmal einen eigenen Duft. [Süsskind P., S. 83].

Понятие, концепт или художественный образ, вводимый в дискурс с помощью метаметафоры, имеют повышенный семантический объем по сравнению с тем, который образуется без привлечения тропов. Введение в дискурс большого семантического объема нуждается в обширном описательном тексте. Увеличение семантического объема с помощью метаметафоры имеет ряд преимуществ. Это – несомненная экономия в текстовом описании

за счет имплицитного привлечения фоновых знаний читателя и возможность выразить семантику, которая не поддается иному выражению. Метаметафора формирует концепт прежде всего в образно-ассоциативном слое (или перцептуально-образной составляющей по А.Н. Приходько [Приходько 2006, с. 22]), поскольку атрибуты метафоры сравниваются с атрибутами концепта именно в этом слое. Обогащая образы художественного текста в образно-ассоциативном слое, метафора увеличивает семантический объем в его смысловом слое и способствует рекурсивному уточнению информации о концепте в его предметно-чувственном слое.

Перспективним является изучение дискурсообразующей функции композиционной метафоры в немецкоязычном художественном дискурсе.

Литература

Гусев С.С. Упорядоченность научной теории и языковая метафора / Станислав Сергеевич Гусев // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 119-134. Коринь С.Н. Метаметафора как объект исследования в лингвистике / С.Н. Коринь // Проблемы лингвистики и лингводидактики : международный сб. науч. Ст. / [под ред. С.А. Моисеевой, Л.Г. Петровой]. – Белгород : ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2013. – Вып.1 – С. 123-129. Моисеева С.А. О когнитивной природе метафоры во фразеологическом пространстве / С.А. Моисеева, И.А. Волошкина // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – Харьков : Константа, 2009. – № 866. – С. 6-14. Піхтовнікова Л.С. МЕТАМЕТАФОРА: уточнення терміну та підходи до аналізу (на матеріалі україномовних та німецькомовних байок і притч) / Л.С. Піхтовнікова // Вісник філологічного факультету ХНУ імені В.Н. Каразіна. Сер. : Філологія. – Харків, 2012. – № 994, Вип. 64. – С. 15-18. Приходько А.И. Концепт как трехмерное ментальное образование / А.И. Приходько // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2006. – № 726. – С. 20-26. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 26-51. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Наталья Александровна Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с. Turner M. Metaphor, Metonymy and Binding / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133-149.

Источники иллюстративного материала

Meyrink G. Der Engel vom westlichen Fenster / G. Meyrink. – Zürich : Diogenes Verlag, 1983. – 248 S. Süsskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders / P. Süsskind. – Zürich : Diogenes Verlag, 1994. – 189 S. Werfel F. Verdi. Roman der Oper / F. Werfel. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch, 1992. – 468 S.

УДК 81.42

КОЧ Н. В.

(*Миколаївський національний університет ім. В. О. Сухомлинського*)

ТРАНСФОРМАЦІЇ ІНФОРМАЦІЙНОГО ПОЛЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТУ «ПРАВДА» В СУЧАСНІЙ МЕДІА-ПРОПАГАНДІ

У статті аналізується процес когнітивного рефреймування концепту ПРАВДА в колективній свідомості українців під впливом мас-медіа, які широко використовують сучасні комунікативні технології, зокрема медіа-пропаганду.

Ключові слова: концепт ПРАВДА, пропагандистська модель, медіа-пропаганда.

Коч Н. В. Трансформация информационного поля лингвокультурного концепта ПРАВДА в современной медиа-пропаганде. В статье анализируется процесс когнитивного рефреймирования концепта ПРАВДА в коллективном сознании украинцев под влиянием масс-медиа, которые широко используют современные коммуникативные технологии, в частности медиа-пропаганду.

Ключевые слова: концепт ПРАВДА, пропагандистская модель, медиа-пропаганда.

Koch N. V. The transformations of the information field of the lingua-cultural concept TRUTH in modern media-propaganda. The process of cognitive reframing of the concept TRUTH in Ukrainians' collective consciousness influenced by mass media with wide usage of modern communicative technologies and media propaganda in particular is considered in the article.

Key words: concept TRUTH, propaganda model, media-propaganda.

Дослідження дихотомії «правда/неправда», зокрема у когнітивному та комунікативному аспектах, визначають рівень зацікавленості науковців щодо її концептуалізації у мовній свідомості з такими не менш важливими інтелектуальними і морально-етичними категоріями, як істина, справедливість, честь тощо. Так, у монографії О. І. Морозової визначена специфіка мовної презентації та дискурсивної реалізації поняття «неправда» в мовленнєвій практиці носіїв англійської мови [Морозова 2008].